

ГЛАВА II. КРИЗИС ПОЛИТИКИ БАЛАНСОВ И ПОДДЕРЖКА АНГЛИЕЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (конец 1933 – середина 1934 г.)

§ I. От пакта четырех держав к Восточному Локарно

Крах "пакта четырех" и кризис переговоров о вооружениях – самый серьезный со времени их начала – поставил Великобританию в тяжелое положение. Если французские представители могли, расценивать уход Германии из международных организаций и с конференции по разоружению как подтверждение проводившейся ими политики сопротивления германским требованиям, то англичане столкнулись с провалом линии на сочетание сдерживания рейха с поиском разумного компромисса интересов всех сторон. Берлин изъявлял готовность к диалогу с Францией о разрешении всех взаимных противоречий, тогда как лидеры Великобритании оказались в центре наладок германской пропаганды. Окончательные намерения немцев оставались непроясненными, но и осторожная оценка секретаря кабинета М.Хэнки звучала зловеще: "Гитлер посеял зубы дракона" /187–83/. Естественна поэтому противоречивая реакция правящих кругов Англия на изменение обстановки в Европе в октябре 1933 г. и преобладание в ее дипломатии примиренческих нот по отношению к Германии.

Выступая на "роковом" заседании Бюро конференции 14 октября, британский госсекретарь, как известно, солидаризировался с Францией в утверждении, что "соглашение не может быть достигнуто на основе конвенции, обеспечивающей какое-либо немедленное перевооружение (Германии)" /142,2–13/. После ухода немецкой делегации Д.Саймон" сообщал Поль-Бонкуру о намерении опубликовать Белую книгу, изобличающую маневр Германии /11,5–692/. Однако уже 23 октября кабинет принял решение подчинить внешнеполитические усилия

— 72 —

государства задаче возвращения Германии за стол переговоров /325–116; 180–742/¹. Госсекретарь заявил палате общин, что не существует иной альтернативы международной анархии и гонке вооружений, кроме "управляемого процесса вооружения", и что "речь должна идти о выборе между двумя возможными вариантами регулирования вооружений – разоружением версальских держав до уровня Германии либо вооружением Германии до уровня остальных государств" /142,2–13/². Лондон, таким образом, круто повернул к поиску компромисса с Германией, признал необходимость новых уступок ей и косвенно осудил проводившуюся в предшествующие месяцы жесткую политику³. Возобладало мнение, изложенное в конце октября новым английским послом в Берлине Э.Фиппсом, что "при умелом обращении должно побудить герра Гитлера и его движение дать некий новый импульс развитию Европы" /343–82/⁴(1).

Проблема состояла в том, каким именно должно быть это обращение и чем следует уравновесить уступки Германии. Британское правительство не желало и не могло откладывать решение первой задачи до окончания изучения второй⁵.

— 73 —

Решение кабинета от 23 октября означало, как показывает датированное тем же днем распоряжение Д.Саймона, намерение добиваться согласия Парижа на ведение двусторонних

¹ См. также письмо Д.Саймона Георгу V /182–521/.

² См. также: /1,233–650-651; 11,6–153/.

³ О смягчении критики нацистского режима в британской печати, более благожелательном отношении к нему деловых и церковных кругов в конце 1933 – начале 1934 г. см. /137–258; 106–108/, а также /233–22; 237–111/.

⁴ См. также: /11,5–700/ и показательные высказывания О.Чемберлена /1,284–1535/.

⁵ Порожденная таким подходом неясность модифицированной политики правительства была очевидна /1,284–1521/ и вызвала критику даже его сторонников /1,284–1512-1513/.

переговоров с немцами /11,5 –706/. Британская позиция без промедления была сообщена Гитлеру /11,5 –707-708/. В сочетании с другими обстоятельствами этот шаг Лондона и его рекомендации французскому руководству сделали для последнего неизбежным согласие на такой метод подготовки, конвенции /278 –99-101/.

Следя за ходом начавшихся в декабре франко-германских переговоров, английские руководители обдумывали и иные пути подготовки соглашения с Германией. Лучше многих деятелей сознававшие агрессивную природу гитлеризма постоянный заместитель госсекретаря Р. Ванситтарт и руководитель аппарата Комитета имперской обороны. М.Хэнки считали нужным вести пряные переговоры с Берлином, не передавая их целиком в руки Франции /323 –84/. Используя эти умонастроения, руководство рейха при помощи пронацистского лобби в английских деловых кругах попыталось перевести осторожные дипломатические контакты в русло чрезвычайных секретных переговоров.

В начале октября 1933 г. симпатизировавший режиму британский банкир Э.Теннант получил аудиенцию у Гитлера. Обсуждалась необходимость англо-германской дружбы и борьбы с коммунизмом, полезность двусторонней встречи на высшем уровне. Вскоре после выхода Германии из Лиги наций Теннант получил возможность передать мнение Гитлера лично лорду-президенту совета, который поделился полученными сведениями с премьером. Реакция руководителей кабинета была осторожной. 8 ноября он постановил, что Саймону надлежит провести "исключительно предварительный зондаж" возможности встречи глав двух правительств в Лондоне. Ободренный беседой Теннанта с Болдуином, рейхсканцлер направил в Лондон Риббентроп. Одновременно, в обход решения кабинета (2), Дж.Р.Макдональд встретился

— 74 —

с послом Л.фон Хешем в своем доме, для двухчасовой приватной беседы (3). 20 ноября Теннант представил немецкого эмиссара Болдуину, через несколько дней тот был принят на Даунинг-стрит Макдональдом, Болдуином и Саймоном. Риббентроп заверил собеседников в искреннем желании Германии, получив равенство в вооружениях обеспечить вечный мир с Францией (посредством договора о ненападении) и Англией (путем заключения морского соглашения). Эти речи насторожили Макдональда. Болдуин, однако, решил направить в Германию целиком посвященного в переговоры старого коллегу Дэвидсона и своего личного парламентского секретаря Дж. Ллойда. Дэвидсон ехать отказался. Гитлер, согласился принять одного Ллойда лишь в том случае, если он прибудет с письмом Болдуина. Болдуин сообщил Теннанту, что это условие превращает поездку Ллойда в официальную и вынуждает проконсультоваться с Форин Офис. Внезапное заболевание Ллойда временно поставило крест на всей затее (4).

Результаты неофициальных бесед в Лондоне неясны, однако можно предположить, что они подтолкнули английское руководство принять более активное участие в переговорах о конвенции и выступить с новым планом урегулирования проблем вооружения и безопасности. В германо-французских переговорах быстро проявились непримиримые разногласия. Берлин не согласился признать принципы французского подхода, верность которым подтвердило в ноте Гендерсону новое правительство Думерга-Барту, – неприемлемость сокращения вооруженных сил Франции немедленно и одновременно с увеличением их Германией, важность эффективных гарантий выполнения соглашения о вооружениях /141–20/. В меморандуме от 29 января 1934 г. британское правительство заявило о готовности "без каких-либо предварительных мнений рассмотреть новые предложения и делать все, что только возможно, чтобы содействовать их всеобщему принятию".

— 75 —

Таким образом, через десять месяцев после выдвижения "плана Макдональда" Англия вновь брала на себя роль посредника /365–366/. Сводя тему гарантий к минимуму, английский проект предлагал легализовать трехсоттысячный рейхсвер, получение им более мощной артиллерии, легких танков, а через два года после заключения конвенции – и военной авиации (5).

Через несколько дней Д.Саймон объявил о решении направить занявшего только что

учрежденный пост министра по делам Лиги наций А.Идена в столицы трех главных государств Западной Европы для поиска сближения их позиции на базе меморандума 29 января. Незадолго до отбытия Идена в Лондоне вновь был принят Риббентроп. Вначале его выслушал Дзвидсон, затем Саймон и Болдуин. Эмиссар дополнил свои прежние демагогические заявления планом всеобщего успокоения, включавшим предоставление Франции совместной британско-германской гарантии. Вероятно, нелепость этого предложения и обрекла на неудачу переговоры. Присутствие государственного секретаря помешало Риббентропу вручить Болдуину личное обращение фюрера. Конфиденциальные переговоры, если и не были вовсе прерваны, ушли в густую тень (6).

Внимание британского руководства сосредоточилось на беседах Идена с Гитлером, Нейратом, Бломбергом и Риббентропом в Берлине 20-22 февраля, за которыми последовало посещение министром Рима и Парижа. Результаты миссии Идена обнадежили его старших коллег. Гитлер обещал "признать любой европейский блок, который можно было бы рассматривать как фактор, гарантирующий сохранение мира", и заверил, что не возражал бы против участия Великобритании в создании такой системы гарантии /12,2-518/. Рейхсканцлер, однако, настаивал, что мерам безопасности должно предшествовать предоставление Германии возможности создать сильную оборону /12,2-514/.

-- 76 --

Беспокоил Англию и отказ немцев твердо обещать возвращение в Лигу Наций, а следовательно, и признать законность основ европейского устройства /12,2-572; 388-117/. Другой спорный вопрос – о легализации военной авиации и ее ограничении – британское правительство, рассчитывало решить, отдельно и после заключения общей конвенции /1,286 -2077/. Однако именно достигнутое в феврале-марте 1933 г. сближение позиции участников переговоров по второстепенным проблемам продемонстрировало глубину разделяющей их пропасти. Франция, заявили Идену Думерг и Барту, "не может согласиться на перевооружение Германии без гарантий контроля со стороны Франции и без гарантий исполнения со стороны Англии" /62-481/.

В конце марта Форин Офис сделал попытку обойти острые грани проблемы безопасности. В беседе с немецким послом Д. Саймон предложил обсудить еще не санкционированное правительством предложение. Согласно ему, группа европейских государств "могла бы договориться о системе взаимного контроля и в то же время принять обязательство осуществить взаимные действия против любого нарушителя мира". Сама Англия обязалась бы участвовать лишь в санкциях финансово-экономического характера. Госсекретарь утверждал, что такой вариант окажется приемлем для Франции /12,2-664-665; 11,6-364/ (7). Германский МИД ответил без промедления. Берлин выдвигал три главных условия включаемого в будущую конвенцию пакта безопасности: участие в системе контроля выполнения неевропейских государств, включение в гарантийный пакт всех европейских государств и принятие Великобританией обязательств по нему в полном объеме /12,2-674-675/. Неосуществимость первых двух требований Германии, вероятно, должна была лишь акцентировать ультимативный характер последнего: Германия опасалась, что, заключив соглашение с континентальными государствами, она окажется в тисках политики Франции и ее сателлитов.

-- 77 --

Прогресс переговоров уперся в самый чувствительный для Лондона вопрос. Парадоксальным образом не только Париж; но и Берлин требовали новых британских гарантий безопасности как необходимого условия соглашения о вооружениях.

Параллельно с дипломатической дискуссией в Лондоне началось обсуждение новаций в стратегическом планировании. В ноябре 1933 г. для изучения этой проблемы был создан Комитет по оборонным нуждам (ДРК) и Комитет членов правительства (позднее названный Комитетом оборонной политики и нужд (ДПРК)). ДРК возглавлял М.Хэнки и состоял из руководителей – профессионалов Форин Офиса, Казначейства и военных министерств, второй комитет – Дж. Р. Макдональд; оба органа действовали на правах подкомитетов Комитета имперской обороны /312-225/ (8). Подготовленный к концу февраля комитетом Хэнки доклад есть основания считать "поистине революционным" /180-753/. Опасность на Дальнем Востоке

ке, указывалось в нем, может быть нейтрализована путем завоевания дружбы с Японией. В Европе, напротив, агрессивная держава – Германия – является "в конечном счете будущим врагом", на борьбу с нею "должна быть направлена наша оборонная политика". Предлагалось создать эффективные, хотя и небольшие, экспедиционные силы – прежде всего для защиты европейского Северо-Запада. По мнению ДРК, для восполнения самых вопиющих пробелов в подготовке к войне в Европе правительству надлежит ассигновать дополнительно 70-93 млн ф.ст. в течение пяти лет /306–108/. Одновременно развернулась подготовка планов мобилизации промышленности /343–109/. Доклад ДРК рассматривался на семи заседаниях правительства в марте-апреле 1934 г. и после утверждения ключевых положений был передан в Правительственный комитет до разоружению и другие органы. Обсуждение в главном внешнеполитическом органе кабинета вопроса о политике в отношении Германии продолжалось до конца июля 1934 г.

– – 78 – –

Проводившийся британским руководством и ведомствами анализ обеспечения безопасности Англии способствовал переосмыслению этого понятия и в общеевропейском измерении. До начала 1934 г. Лондон рассматривал безопасность от агрессии Германии как "требование Франции", ничуть не более обоснованное, чем требования Германии о равноправии в вооружениях⁶. Мартовские дебаты в палате общин продемонстрировали, как изменилось восприятие проблемы. Министр по делам Лиги наций от имени правительства признал, что в случае провала конференции по разоружению "под угрозой окажется не только безопасность той или иной страны континента, но и наша собственная безопасность" /1,287–390/. Указав на невозможность обеспечить национальную безопасность наращиванием вооружений Англии, Идеи в расплывчатой форме, но твердо призвал вывести переговоры за рамки обсуждения уровней военных сил и решить проблему гарантий безопасности европейских государств /1,287–387/. Эта тональность преобладала в выступлениях практически всех парламентариев, что при завершении дебатов с удовлетворением подчеркнул Д.Саймон /1,287–483/.

Одновременно в правящих кругах росла оппозиция: официальной линии Великобритании, которая осуждалась за чрезмерные уступки немцам и невнимание к гарантиям безопасности. Уступки, писал члену семьи О.Чемберлен, поощряют Германию "вновь и вновь повышать свои требования". Ссылаясь на встречу с Хэнки и двумя членами правительства, он утверждал, что "все они встревожены и находятся в отчаянии от позиции Саймона (выраженной в ноте 29 января. – О.К.)" /187–85/. В меморандуме от 7 апреля руководитель аппарата

– – 79 – –

Форин Офис Р. Ванситтарт от имени всех сотрудников – случай едва ли не беспрецедентный – прямо обвинил Сити в поддержке линии все новых уступок рейху, которая превратилась в камень на шее Англии. Ванситтарт решительно осудил планы легализации вооружений Германии в обмен за одно лишь возвращение ее в Лигу /11,6–690/⁷.

К середине весны лидерам страны становилось ясно, что без новых британских гарантий Франции не обойтись и безопасность Европы (по крайней мере – Западной) неотделима от безопасности Англии. Макдональд признавал, что проводимая кабинетом и близкая ему лично политика себя изживает, но был совершенно неспособен выдвинуть новые предложения /179–757-758/. В отличие от него, активно занявшийся в те недели иностранными делами /173–245/ Н. Чемберлен был полон радикальных идей. В конце марта он выдвинул план заключения некоторыми государствами, включая Германию, Францию, Польшу, Италию и Великобританию, пакта о военных санкциях против одного из них при нарушении конвенции о вооружениях. Каждое из государств – участников пакта выделило бы ограниченный контингент для проведения при необходимости совместной полицейской акции /173–251/. План Чемберлена обсуждался дважды и был отклонен – прежде всего из военно-стратегических соображений – высшими органами государства /180–767/. Чемберлен, в свою очередь, при под-

⁶ См. выше гл.1, § 2, с.66-67.

⁷ Последовательно и резко с конца 1933 г. линию правительства подвергали критике ведущие авторы консервативного "Фортнайтгли Ревью" /88–1933,11–521; 88–1033; 12–736-737/.

держке Болдуина и Саймона торпедировал проект создания самостоятельного экспедиционного корпуса, настойчиво предлагавшийся начальниками штабов /307 –108-109; 350 –20/⁸. Британское руководство

– – 80 – –

склонялось к тому, чтобы сделать главную ставку в сдерживании Германии на укрепление собственных ВВС (10). Вероятно, это был здравый вывод, однако, такой подход не приближал решения внешнеполитических задач европейского урегулирования. Напротив, он позволял Лондону откладывать окончательное заключение о могущих побудить Францию к компромиссу с Германией британских гарантиях.

В переговорах четырех держав, за которыми внимательно следила вся Европа, назревал поворот. 10 апреля Д.Саймон обратился к французскому посольству в Лондоне с нотой, содержащей просьбу дать в короткий срок ответ, каких именно гарантий исполнения конвенции ждет Франция, и готова ли она принять за ее основу британский проект 29 января /11,5–617/.

16 апреля Германия официально выразила согласие с основными положениями британского меморандума от 29 января /255–34/, ее возражения не являлись непреодолимым препятствием к завершению переговоров. Однако 17 апреля 1934 г. совет министров Франции решил их прервать. "С величайшим сожалением" Л.Барту вручил британскому поверенному в делах ноту об отказе своего правительства согласиться со значительным довооружением Германии. Франция, провозглашалось в "ноте Барту"⁹, отныне "должна позаботиться об условиях собственной безопасности, которую она, впрочем, не отделяет от безопасности других заинтересованных держав" /11,6–630-634/. Французский меморандум вносил резкое изменение в политику страны и подводил черту под долгими разоруженческими усилиями.

– – 81 – –

Тем не менее британская реакция на ноту 17 апреля была спокойной, в ней угадывались даже нотки удовлетворения /11,6–678; 62–510, 523/ (11). Лондон не мог не проявить понимания в отношении главного аргумента французского руководства – Германия вооружается и будет вооружаться, невзирая на международные соглашения (12). Британская элита соглашалась с тем, что поведение Германии мало предсказуемо и с ней, возможно, придется воевать¹⁰. Правительство Макдональда-Болдуина начало осознавать необходимость упрочения системы безопасности в Европе для интересов не только Франции или стран континента, но и для Великобритании. Одновременно оно удостоверилось – что признавала, нота. 10 апреля – в своей неспособности конструктивно решить проблему гарантий исполнения конвенции о разоружении. Тупик переговоров отражал тупик политики Англии. Когда Франция заявила о нем во всеуслышание, Лондону пришлось признать ее правоту.

Совершив сильное колебательное движение – от преобладания линии поиска баланса интересов к перевесу ориентации на сдерживание Германии (март-октябрь 1933 г.) и обратно (конец октября 1933 – март 1934 г.), стрелка британской политики замерла в нерешительности. Усилия Лондона достичь европейского урегулирования, не меняя основ внешнеполитической стратегии и не выходя за пределы привычного круга западных государств, оказались весной 1934 г. не более продуктивных, нежели осенью 1933 г. Опыт переговоров и геополитические реалии побуждали Великобританию вслед обратить взор на Восток¹¹.

– – 82 – –

К весне 1934 г. на политику Великобритании начал оказывать влияние процесс переориентации: государственного курса СССР. Провозглашенный речами В.М.Молотова и М.М.Литвинова в последние дни 1933 г. курс на создание системы коллективной безопасно-

⁸ См. также: /187-94/.

⁹ Как известно, она была подготовлена Думергом, Тардье и Эррио вопреки первоначальному мнению Л.Барту, а также Лавалля /70 –201-202/.

¹⁰ Дополнительные свидетельства см. /187 –94; 263 –388; 43 –128/.

¹¹ "Запад Европы тлеет для нас жизненное значение, но восток его не имел", – заметил на заседании кабинета 17 мая 1934 г. лорд-президент /350–128/.

сти от германской агрессии, признание советский руководством ценности Лиги Наций; укрепились возникшие ранее на Западе надежды на сотрудничество с СССР в поддержании международной стабильности. Как широкие общественные круги, так и консервативный истеблишмент пересматривали сложившиеся в отношении Советского Союза стереотипы. "Десять или даже пять лет тому назад девять из десяти англичан считали Россию самой серьезной угрозой европейскому порядку. Ни один из десяти не чувствует этого сегодня, – писал обозреватель консервативного "Фортнайтли ревью", – даже эмоциональная антипатия англичан к России менее остра, чем в отношении к Германии" /88–1934, 2–234/ (13).

К сближению с Советским Союзом побуждала Англию и угроза ее интересам на Дальнем Востоке. Она продолжала обостряться. Выдержанное в духе "Руки прочь от Китая" заявление представителя МИД Японии 17 апреля (несмотря на последовавшие за ним заверения в адрес Великобритании и предложение Японии заключить с нею пакт ненападения /11,20–264/) подтолкнуло Лондон к осознанию остроты англо-японских противоречий (14). Естественным следствием их развития стала частичная солидаризация Великобритании с направленной на недопущение японской агрессии позицией СССР¹².

Важным фактором развития англо-советских отношений (и одновременно их индикатором) явились двусторонние переговоры о заключении нового торгового соглашения (15). Намечившаяся в конце 1932 г.

– – 83 – –

и достигшая кульминация в связи с арестом ряда инженеров фирмы "Метро-Виккерс" в Ленинграде, что повлекло объявление британским правительством "торговой войны" СССР, крайняя напряженность в отношениях Великобритании с СССР к лету сменилась готовностью обеих сторон к взаимному примирению и уступкам. "Исход конфликта, – отмечал позднее полпред И.М.Майский, – был, несомненно, большим успехом СССР" /5,6 –116/. По существу потерпела неудачу возглавленная С.Болдуином попытка вынудить СССР признать за собой статус второразрядной державы в отношениях с Англией. Поощрявший к этому своих руководителей посол Овий был вынужден перебраться в Брюссель. Хотя продолжение торговых переговоров сопровождалось, приступами дипломатического противостояния, не исчезала подозрительность в отношении намерений друг друга /5,17 –385; 11,7 –669/, элементы сотрудничества в англо-советских связях начали в первые месяцы 1934 г. преобладать. Первым заметным проявлением этой тенденции стала неожиданная дружелюбная беседа Д. Саймона с полпредом 29 января 1934 г. Британская сторона выразила желание получить косвенное одобрение СССР своей позиции на переговорах о вооружениях /5,17–37-38/. Крупное значение имело подписанное 16 февраля англо-советское торговое соглашение. Несмотря на его предполагаемый временный характер и сохранение взаимных имущественных претензий, условия соглашения и единодушное одобрение их палатой общин в начале марта указывали на утверждение в Лондоне конструктивного подхода к экономическому сотрудничеству с СССР и его обновляемой политике в Европе. Тесное взаимодействие двух крупнейших держав становилось неизбежным.

На протяжении полугода после того как Германия открыто бросила вызов международному сообществу, обстановка в Европе продолжала накаляться. Предпринятые по настоянию Великобритании новые

– – 84 – –

переговоры четырех держав, ее собственные усилия и решимость пойти навстречу германским требованиям потерпели неудачу. Одновременно руководство Великобритании пришло к заключению, что Германия – ее вероятный противник уже в близком будущем. Разумеется, оно не могло в полной мере оценить значение провала переговоров января-апреля 1934 г. (18), и принцип декларации 11 декабря 1932 г. о предоставлении "разоруженным государствам" "равноправия в системе безопасности одинаковой для всех стран" сохранял значение главного ориентира британской политики. Тем не менее, соотнесение ее приоритетов – баланс сил и

---

¹² См. /5, 17–435, 689/. Существенен проведенный С.Эндикоттом анализ этой проблемы /277 –55-37/.

сдерживание Германии и баланс интересов, включавший компромисс с нею – вновь начало меняться, на этот раз в пользу первого. К концу весны 1934 г. европейская политика Великобритании определялась тремя основными процессами: растущим пониманием агрессивности германского режима, пробуждением заинтересованности в политическом сотрудничестве с СССР и поиском средств, способных обеспечить безопасность Англии и континентальных государств, в первую очередь Франции, к одновременно придать "переворужению Германии регулируемый характер. В мае-июне эти процессы продолжали развиваться, что заложило основу поддержки Великобританией Восточного Локарно.

§ 2. Великобритания и Восточное Локарно.

Отказ французского правительства от продолжения переговоров о легализации перевооружения Германии 17 апреля 1934 г. означал, как известно, что оно сделало выбор в пользу активизации процесса сближения с Советским Союзом и Италией для укрепления своей безопасности /242–79; 252–81/.

Долгие предварительные дискуссии советских и французских представителей о путях реализации совместных интересов (19) привели на исходе весны 1934 г. к договоренности. 18 мая на встрече в

– – 85 – –

Ментоне Л.Барту и М.М.Литвинов согласились с целесообразностью оформить оборонительный союз между двумя странами в виде гарантийного договора к региональному пакту взаимопомощи с участием Германии, СССР, Польши и ЧСР. Франция обязалась бы помочь СССР при нападении на него одного из участников Восточного пакта, тогда как СССР гарантировал бы безопасность Франции при нарушении немцами локарнских обязательств 1925 г. Это принципиальное решение отличалось от идеи Литвинова о двустороннем оборонительном союзе, но было к нему все же ближе, чем предложение Кремля от 20 декабря 1933 г., скорее напоминавшее выдвигавшуюся С. Ю. Витте (а в двадцатые годы – Г. В. Чичериным) концепцию континентального блока /286–16,64–65; 344–17–20; 5,17–876–877; 248–150–154/. Оно позволяло создать эффективный механизм сдерживания вероятной агрессии Германии и преодолеть сложившуюся после Версаля и Локарно асимметрию европейской системы безопасности. Избранная модель не содержала и потенциальной угрозы британским интересам. На ментонской встрече было решено следовать намеченному плану независимо от реакции на него Германии¹³. Л. Барту взял на себя зондаж позиции Англии и других государств /2,6 –155; 185 –181; 10,6 –498/.

15 и 19 мая министр иностранных дел Франции ознакомил, находившегося в Женеве А.Идена с намерениями Парижа и Москвы, однако лишь в самых общих чертах /305–45; 11,6 –704,707–708/.

Если Варшава была детально проинформирована о предложении Восточного Локарно в конце мая, Берлин – 7 июня (Чехословакия к тому времени уже выразила безоговорочное согласие с планом), то Форин Офис к началу лета располагая лишь отрывочными данными и плохо представлял его суть (20). Когда Л.фон Хеш (12 июня), а вслед

– – 86 – –

за ним посол. Франции Ш.Корбэн (14 июня) попытались выяснить у Саймона и Ванситтарта отношение Великобритании к плану нового Локарно, те уклонились от изложения даже собственного мнения /12,2–901–902; 11,6–746–747; 10,6–709/ (21). Высказываться по существу незрелого проекта, считал Д.Саймон, было бы преждевременным /11,6 –762/.

В конце июня франко-советская схема Восточного Локарно была окончательно разработана. 21 июня Кэ д'Орсэ известило британских партнеров о готовности информировать их по всем аспектам соглашения /11,6–769–770/, а М.М.Литвинов впервые познакомил с ним посла Чилстона. Нарком сообщил намерение Советского Союза присоединиться к Лиге нации, о чем англичане были наслышаны из других источников /315 –55; 220 –157; 11,6 –773/. Неделей

¹³ См. также: /305–56/.

позже Форин Офис получил текст проектов регионального и гарантийного пактов вместе с пояснительной запиской французского посольства /11,6 –777-778; 10,6–806/.

Еще до ознакомления с ними Д.Саймон сообщил чехословацкому посланнику Я.Масарику, что Англия "с симпатией" следит за переговорами о Восточном пакте /10,6 –779/. Госсекретарь предупредил немцев, что не станет предлагать изменений к региональному пакту, хотя и не собирается поддерживать его слишком горячо /12,3–145/. Р. Ванситарт в беседе с полпредом СССР 3 июля оценил Восточный пакт как "пожалуй, единственный способ заставить Германию сохранять спокойствие" /5,17–436/. Содержание франко-советского договора вызывало, однако, в Лондоне беспокойство. Самая идея Восточного Локарно была по существу принята Англией еще в мае (22), а главный недостаток, проекта она усматривала в непоследовательном воплощении этой идеи – отсутствии в нем обязательств Франции и СССР в пользу Германии,

– – 87 – –

аналогичных тем, которые они собирались предоставить друг другу /12,3–146/. 7 июля помощник Ванситарта О.Сарджент, занятый изучением политико-юридических аспектов Восточного Локарно, "получил весьма удовлетворительный ответ посольства. Франции. Включение Германии в гарантийный пакт не противоречило бы концепции его инициаторов, указывалось в его меморандуме, но предпочтительно, чтобы немцы сами высказали такое пожелание /11,6 –802/. Ослабили и опасения, что через механизм дополняющих Рейнский пакт гарантий Англии может быть втянута в конфликт на востоке континента /5,17 –432, 445/.

Действительно, гарантийный пакт задумывался МИД Франции и поддерживался Москвой как соглашение, предоставляющее Германии советскую гарантию на Западе и французскую – на Востоке /5,17–310,311; 5,18–278-279/. Обе стороны были заинтересованы в таком подходе, и направление англичанам проекта, его не выражающего, было довольно неуклюжей уловкой. Намерение Барту вести на предстоящих переговорах в столице Англии торг и добиваться британской поддержки всего плана в обмен на свое согласие со "взаимностью гарантий" отражало недостаточное понимание не только в Москве, но и в Париже позиции Великобритании (23).

В конце весны – летом 1934 г. в британской политике продолжали нарастать отмеченные выше процессы. Отношения с Германией ухудшались. В третий раз посетивший Лондон в середине мая И. фон Риббентроп не был принят руководителями правительства. С ним встретился Д.Саймон (как в июне это сделал и Л.Барту). Результаты беседы были настолько необнадеевными для немцев, что всеми силами раздувавший веру Гитлера в свои дипломатические способности Риббентроп в докладе ему вынужден был это признать /12,2 –808-809/. В середине мая правительственный комитет по разоружению

– – 88 – –

принял решение, о приоритете воздушных ассигнований над военно-морскими. Идея сдерживания Германии начала воплощаться в оборонной политике (24). В мае-июне 1934 г. С.Болдуин перестал исключать возможность перехода Англии к радикальному перевооружению и расширения ее обязательств Франции и Италии /1,289–2139; 180–771/¹⁴. 3 конце июня агитировавшие за перевооружение страны кандидаты консерваторов выиграли дополнительные выборы в двух округах /87–1934,7–1425; 180–755,764/.

Новый узел напряженности в англо-германских отношениях возник с решением Рейхсбанка ввести с 1 июля 1934 г. мораторий на выплату внешней задолженности. Британская элита восприняла его как непорядочность (25). Н.Чемберлен официально потребовал уважения интересов британской торговли и держателей займов. Почувствовав угрозу ответных санкции, Берлин отступил. 4 июня было подписано двустороннее соглашение по трансферу. Вызвавшее ярость Шахта, оно не удовлетворило и Сити, ибо охватывало лишь часть платежей и носило временный характер /11,12–175; 12,3–73,108,109,155-156/. Экономические переговоры затянулись.

---

¹⁴ См. также заявление заместителя военного министра Даффа Купера 14 мая /80–1934,20/21 –81/.

Напротив, англо-советские отношения, как констатировал заместитель наркома Н.Н.Крестинский в беседе с Чилстоном в середине мая, продолжали улучшаться /11,7–690/. Поначалу осторожное и далее неприязненное отношение Лондона к перспективе вступления СССР в Лигу наций /238–134-135/ к началу лета сменилось на благожелательное /276–524-525; 10,6–500-501/. Хотя на очередном заседании генеральной комиссии в Женеве Литвинов и Саймон критиковали позиции друг друга, советская делегация поддержала внесенную

– – 89 – –

Англией резолюцию /5,17–362-363/. Весьма дружественными и содержательными оказались упомянутые выше беседы в Москве и Лондоне¹⁵. Взаимные обвинения во враждебной пропаганде стихли. Наряду с оживлением англо-французских (26) и расширением франко-советских военных контактов, такие связи устанавливались между Великобританией и СССР (27).

По мере осознания ценности отношений с Москвой правящие круги Англии с большим вниманием стали учитывать возможность нового сближения СССР и Германии. Беспокойство англичан подогревалось французскими дипломатами и руководителем НКВД. Из поступавшей по различным каналам информации и предостережений французского МИД в Лондоне складывалось впечатление, что если Советскому Союзу не удастся укрепить свою безопасность с помощью Запада, он с легкостью вернет себе свободу маневра /344–68-69; 11,6–717,876,893/. Такое предположение усиливала неясность последствий чистки 30 июня в Германии. Не исключалось, что рост влияния избавленной от СА "фракции Бломберга" приведет к воскрешению основанной на "отрицании версальского порядка дружбы СССР и Германии" /12,3–164; 15–1934,1–434-495/.

Весьма велико было и эмоциональное воздействие конфликта в германском руководстве на истеблишмент. Некоторые его деятели, включая С.Болдуина, надеялись, что в рейхе постепенно восторжествуют традиционные консервативные силы и более умеренный национализм /46–174/. Тем сильнее был шок от кровавой расправы Гитлера со своими оппонентами, затронувшей эксканцлеров Шлейхера и

– – 90 – –

отчасти Палена. "Мы не можем иметь никакого дела с этими людьми, – говорил тогда о нацистах лорд Лотиан, – это попросту скопище убийц" /299–48/ (28).

Восприятие германских событий в Англии оказалось особенно острым из-за беспорядков, спровоцированных сторонниками О. Мосли в начале июня при проведении фашистского митинга в зале "Олимпия". Пролилась кровь. Свое негодование выразили и видные деятели консервативной партии, включая парламентского секретаря Болдуина. Один из них заявил даже, что митинг БОФ заставил его ощутить симпатию к коммунистам /231–57-70; 135–141; 279–112-116; 46–174/. "...Мрак сгустился, – писал о тех днях английский эссеист Р.Блайт. – Летний воздух был отягощен духом насилия" /266–177/ (29). Между тем британские руководители вновь и вновь признавали свою неспособность предложить внешнеполитическое решение, могущее разрядить напряженность в Европе /13–153; 1,289–2115; 1,290–21-22/ (30). В палате общин усилились требования к кабинету возглавить усилия по обеспечению европейской безопасности, даже если для этого придется частично расширить континентальные обязательства /1,283–2088-2090,2097-2098,2013,2125/ (31).

Изменение международной расстановки сил и сдвиги в отношениях Великобритании с Германией и СССР, политический и военный анализ состояния национальной безопасности, страх перед насаждаемыми повсюду фашистами аморализмом и насилием, неспособность выдвинуть собственный план европейской стабилизации преопределили позицию Англии на переговорах с французскими руководителями о Восточном Локарно, последующие шаги Лондона. Мысль о его необходимости созрела и у британских лидеров; вряд ли они сомневались в

– – 91 – –

---

¹⁵ См. /5,17–806,432-433,436-437; 11,6–773-774,845-848/. В июле состоялись символические встречи Сталина с Г.Уэллсом и У.Черчилля с советским послом в Лондоне.

благоприятном исходе, переговоров с Барту¹⁶. Проблема состояла в том, какая именно редакция соглашения будет выработана на них, как будут увязаны задачи упрочения безопасности и ограничения вооружений, насколько тесным окажется взаимодействие Парижа и Лондона в их решении. Накануне переговоров кабинет предоставил Д. Саймону карт-бланш /344–71/.

Первые заседания открывшихся 9 июля в Лондоне франко-британских переговоров были целиком посвящены проблеме Восточного Локарно, Л.Барту и генеральный секретарь МИД А.Леже подробно осветили ход переговоров с СССР и обосновали причины появления совместной инициативы, выгоды ее для стран Европы. Французский министр подчеркивал стремление СССР к двустороннему союзу с Францией, его готовность вступить в Лигу в случае успеха проекта безопасности. Он предупреждал, что если Запад не поддержит ее новую ориентацию, "разочарованная Россия может обратиться к Германии" /11,6–805; 216–452/. После совещания с коллегами и сотрудниками госсекретарь сообщил, что Великобритания готова поддержать вступление Советского Союза в Лигу при условии соответствующего обращения с его стороны в Женеву. Правительство, заявил Саймон, не может рекомендовать участия Германии в региональном пакте без уверенности в ее равноправном положении в системе Восточного Локарно. Франции поэтому следует предоставить гарантии безопасности не только СССР, но и Германии на случай нападения одного из участников Восточного пакта. Д.Саймон просил у французских министров позволения известить Берлин о том, что Франция

— 92 —

не возражает также против гарантий рейху со стороны СССР /11,6–810-811/. Л. Барту без промедления согласился с британской позицией и заметил, что полное равноправие Германии в намечаемой системе безопасности с самого начала отвечало намерениям Франции /11,6–810-813/.

Спор на переговорах возник лишь по вопросу вооружений Германии в случае ее соглашения с планом Восточного Локарно. Традиционное различие в подходах Англии и Франции к соотношению мер безопасности и выравнивания вооружений государств на лондонских переговорах свелось к тактическим разногласиям. Министр иностранных дел Франции согласился, что осуществление Восточного Локарно должно повлиять на разоруженческие переговоры, но стремился уклониться от четкого определения их взаимосвязи. Если Саймон предлагал объявить подписание Восточного пакта "наилучшим из всех возможных отправным пунктом" возобновления переговоров о вооружениях, то французская сторона настаивала на трактовке участия Германии в соглашениях по безопасности как "наилучшей почвы" для таких переговоров. В этом вопросе уступку сделали англичане. О равноправии Германии в вооружениях окончательная формула упоминала в редакции заявления от 11 декабря 1932 г. /11,6–828/. Казалось, руководители французской и английской дипломатии покончили со своими старыми предубеждениями. Степень согласия двух правительств, достигнутая на июльских переговорах, была необычайно высокой, в особенности, если учесть масштабы обсуждавшихся проблем. Было условлено, что после решения кабинета Лондон официально заявит о поддержке Восточного Локарно и рекомендует Германии и Польше присоединиться к региональному пакту. 12 июля правительство утвердило итоги переговоров, и на следующий день Д.Саймон огласил их в палате общин. Госсекретарь указал, что

— 93 —

осуществление Восточного Локарно, по мнению правительства, укрепило бы "основы мира во всем мире", и оно советует предполагаемым участникам соглашения ухватиться за него "обеими руками" /13–181-182/. Британское правительство, отметил он, "не делает секрета из своих взглядов относительно важности и желательности вовлечения России в круг держав — участниц Лиги наций" и "приветствует возможность содействовать этому" /238–142/.

Итоги лондонских переговоров превзошли ожидания всех сторон и укрепили надежду на реализацию замысла Восточного Локарно. "...Самый факт публичного выступления Анг-

---

¹⁶ Французские министры Барту и Пьетри были приглашены правительством Великобритании в начале июня 1934 г. для обсуждения проблемы вооружения /344–66/.

лии в пользу пакта имеет колоссальное значение", – писал Литвинов полпреду /5,17–489/ (32). Покидая Англию, Л.Барту, по наблюдению Ж.Табуи, "весь лучился" и "едва не танцевал от радости" /70–204/¹⁷. Радовался и Саймон, считавши, что взял верх на переговорах /344–75/. Исключительное единодушие палаты при обсуждении заявления Саймона 13 июля свидетельствовало о том, что все серьезные политические силы, включая и произоляционистски настроенных деятелей, поддержали позицию правительства¹⁸.

Действительно, осуществление с помощью Англии Восточного Локарно позволило бы ей укрепить национальную безопасность, не прибегая к радикальному перевооружению и расширению внешних обязательств, а также создать основу для переговоров о регулировании вооружений, преодолеть тенденцию скатывания Европы к их гонке, к военным блокам¹⁹. Одновременно Англия поощряла закрепление

– – 94 – –

выгодного для нее нового внешнеполитического курса СССР в Европе, а в перспективе – и сотрудничество на Дальнем Востоке. Правительство избавлялось от тяжелейшего выбора между защитой статус-кво в Восточной Европе и невмешательством в ее судьбу. Принимая на себя часть ответственности за выработку условий и заключение Восточного Локарно, английские руководители могли рассчитывать, что тем самым укрепится признание роли Великобритании как арбитра европейской системы безопасности.

Форин Офис энергично принялся за дело. Через послов в Берлине и Варшаве министрам иностранных дел К. фон Нейрату (12 июля) и Ю.Беку (13 июля) была выражена "горячая надежда", что их правительства разделят "отношение Великобритании к проекту Восточного пакта в тон форме, которую он приобрел в результате лондонских переговоров, и предпримут все, что в их силах" для его заключения /11,6–829,839-840/. Проинформировав Муссолини о состоявшихся переговорах, британские представители настойчиво указывали на желательность активного и безотлагательного выступления Италии в пользу Восточного. Локарно, оказания ею нажима на Германию к Польшу /11,6–881-833,837-838,830-831/. Внесенные Англией поправки и ее демарш явились решающим фактором, заставившим итальянское руководство пересмотреть негативное отношение к проекту пактов (33). Это произошло в считанные дни, и уже 13 июля "Саймон мог сообщить парламенту о солидаризации Италии с позицией Соединенного королевства по этой проблеме /13 –181/²⁰. Следует подчеркнуть, что напористые действия Форин Офис выходили за рамки взятых перед Барту обязательств (34) и даже дипломатической процедуры (35).

– – 95 – –

Таким образом, поддержка Лондоном плана Восточного Локарно поставило германское руководство в трудное положение. Впервые все великие (и некоторые малые – ЧСР, Румыния) державы Европы объединились в требовании изменить внешнюю политику рейха, в стремлении заставить его дать действенные гарантии своего миролюбия. Близкий к МВД Германии орган в середине июля признавал: "Всего за неделю политическое и дипломатическое положение претерпело более глубокие изменения, чем на протяжении многих лет" /10,6–1002/²¹. Казалось, у дипломатии все еще слабой в военном отношении Германии нет других возможностей, кроме связанных с присоединением к Восточному пакту²².

В ходе встреч с немецкими дипломатами руководители Форин Офис и Э. Фиппс ста-

¹⁷ См. также свидетельство руководителя посольства США в Лондоне /15,1934,1 –494/.

¹⁸ См. /1,292 –687,729,751-752/, а также /26 –143; 276 –529/.

¹⁹ См. аргументацию Д.Саймона на заседании кабинета 11 июля /315 –118/ и в парламенте /13 –177-182/.

²⁰ Одновременно статс-секретарь Ф.Сувич довел до немецкого посла мнение Рима о полезности соглашения и участия в нем Германии /12,3 –170-171/.

²¹ См. такие /236–76; 93–1934,9–1/.

²² См. мнение французского посла в Берлине и главы правительства Италии /10,6 –983-984,1001/.

рались убедить их в необходимости согласиться с проектом Восточного Локарно. Англия уже устранила двусмысленность первоначального плана, подчеркивали Саймон и Идеи, соглашение обеспечит действительное равноправие Германии в вопросах безопасности, "правительство его величества, разумеется, позаботится о том, чтобы система применялась должным образом" /11,6–840-841; 2,6–158; 236–77-78/. Великобритания, предупреждали ее представители, не видит иных путей для улучшения положения Германии в Европе /11,6–840; 12,3–202/. Использовалась и ссылка на угрозу складывания франко-советского блока. Однако уже 16-19 июля, немедленно после совещания Гитлера с Нейратом, британские дипломаты убедились, что все приводимые ими аргументы

– – 96 – –

не оказывают на Берлин ощутимого влияния /11,6–849-851,854/. Нейрат поручил представителям. МИД указывать на предпочтительность для рейха явного франко-советского альянса перед маскирующим его Восточным Локарно. Берлин продолжал следовать намеченной в июне тактике затягивания предварительных переговоров/12,3–176-183/.

Анализируя обстановку, руководители Форин Офис пришли к выводу о необходимости дополнительных уступок немцам, которые повысили бы в их глазах привлекательность Восточного пакта. 17 июля послу в Париже было поручено известить А.Леже, что, по мнению британского кабинета, механизм осуществления взаимопомощи должен быть лишен автоматизма не только в гарантийном, но и в региональном пакте; определение агрессии в тексте Восточного пакта поэтому излишне. Во всяком случае, указывал Саймон» желательно избежать такой формулировки этого понятия, которая затрудняла бы для Англии оказание нажима на немцев /11,6–844/ (36).

Английские дипломаты обдумывали и возможность другой, более существенной уступки Германки в обмен на согласие с Восточным пактом – обещания договоренности по конвенция о вооружениях (тем более что, как считал Э. Фиппс, демонтаж СА устранял одно из главных препятствий к ней /10,6–951/). Еще в начале июня советник полпредства СССР М.И.Розенберг указывал одному из руководителей МИД Франции на нереальность заключения Восточного Локарно без увязывания его с представлением Германии равноправия в "вооружениях" /10,6–660/. Традиционно воздержавшийся от переговоров по ревизии Версальского договора Советский Союз не мог, разумеется, самостоятельно предложить ведение параллельного обсуждения мер безопасности и ограничения вооружений. Барту, окончательные намерения которого в отношении участия Германии

– – 97 – –

в Восточном Локарно вызывает у историков споры, добился от англичан согласия с тем, что Германия должна сама поставить вопрос о довооружении в рамках переговоров о Восточном пакте. Этот расчет оказался неверным. Сразу после лондонских переговоров мысль о необходимости комплексного обсуждения своих проблем была высказана в заявлении итальянского правительства²³. В беседе с А. Иденом ее поддержал представитель США в Женеве Х.Вильсон /236 –83/. Идеи ближе, чем кто-либо из западных деятелей общавшийся с немцами и критически относившийся к политике и личности Барту, был согласен с этой позицией²⁴. Она вполне соответствовала проводившейся до лета 1934 г. британской политике. Этот подход, несомненно, приветствовал бы и Макдональд, но он постепенно отходил от дел и уже уехал на отдых в Канаду. С.Болдуин достаточной поддержки Идену, очевидно, не оказал. Саймон же встал на сторону сотрудников Форин Офис, в частности Р.Виграма, призывавшего окончательно отказаться от посредничества между Францией и Германией и "содействовать успеху соглашения... открытым и определенным переходом на сторону Франции против Германии..." /170–51/. В этих условиях, считал Р. Ванситтарт, немцы будут тянуть с ответом, а потом начнут торговаться /5,17–502/. Во всяком случае, нарушать договоренность с Барту Форин Офис считал невозможным /11,6–848/.

В результате обсуждения был найден необычный компромисс. 13 июля, в присутствии

²³ См. также: /12,3–205/.

²⁴ Ее сторонником был также А.Франсуа-Понсе /10,6–698/.

Саймона и оспаривая его мнение, Идеи от себя лично заявил Хешу, что "британское правительство сочло бы конструктивным ответом заявление германского правительства о

— 98 —

том, что оно согласно лишь на одновременное обсуждение, вопросов о присоединении Германии к пакту и признании "ее равноправия в вооружениях" /12,3–203/.

Между тем, выступая 15 июля в Байонне, Л.Барту категорически отверг такую возможность. Проблемы безопасности и сокращения вооружений должны решаться поочередно, ибо человеку не дано предугадать завтрашний день, заявил он /13–183/ (38). Неудивительно, что речь Барту была воспринята в Берлине гораздо более серьезно, чем ни к чему англичан не обязывающее обещание Идена, и даже с облегчением /141–63; 10,6–1004/.

Сложилась трагическая ситуация. Стремление британской дипломатии обеспечить соглашение о Восточном Локарно ограничивала ее солидаризация с еще более ужесточившейся после лондонских переговоров позицией Франции. Попытка заинтересовать Бермы и выбить из его рук контраргументы оказалась слишком слабой, чтобы дать надежду на положительные результаты, и могла лишь укрепить Гитлера во мнении о неустойчивости новой ориентации Англии. Влиятельные консервативные группы в германском руководстве (включая рейхсвер к МВД), склонявшиеся, вероятно, к желательности переговоров о Восточном Локарно (39), не получили в июле 1934 г. поддержки извне, а смерть Гинденбурга 1 августа окончательно лишила эти круги серьезных перспектив.

Существовала и другая, не менее проблематичная, возможность осуществления плана безопасности – побудить Польшу дать согласие на участие в нем независимо от решения Германии. Такая позиция Варшавы поставила бы под сомнение единственный внешнеполитический успех гитлеровской Германки – немецко-польский пакт ненападения от 26 января 1934 г. – и сделала бы ее изоляцией невыносимой. Именно на позиции Польши как решающей для судьбы

— 99 —

Восточного пакта сосредоточивали основное внимание советские и французские дипломаты с весны 1934 г. /5,17–299,306,412,413,443, 470,472; 10,6–771; 354–60/. Не сумев сделать должных выводов из своей апрельской поездки в Варшаву и недооценивая аргументацию Литвинова, Барту поначалу полагал, что решение польского руководства об участии в пакте – лишь вопрос времени /10,6–495,514/. Считалось, что Франция сможет самостоятельно добиться изменения скептического отношения Пилсудского и Бека к идее регионального договора взаимопомощи /5,17–392,419/²⁵. Однако сопротивление поляков оказалось сильнее ожидаемого, а настойчивость Франции – почти безрезультатной.

Основные причины сопротивления Варшавы проекту Восточного Локарно крылись, как известно, в опасениях утратить роль главного союзника Франции и превратиться в передовой отряд франко-русской коалиции, потерять свободу внешнеполитического маневра. Существовало и глубокое недоверие к политике Москвы /394–193; 225–49-50/. Эти соображения не были безраздельно господствующими в польских правящих кругах. Вопреки мнению Бека и его заместителя, большинство генералов – членов высшего военного командования в ответах на распространенную в мае 1934 г. по указанию "начальника государства" анкету утверждали, что наибольшую непосредственную угрозу Польше представляет не Россия, а Германия /271–370-572; 73–443/. Пилсудский склонялся к этому мнению и сомневался в шансах официальной "политики равновесия". Острее, чем МИД, он оценивал и возможность рокового для Польши советско-германского сближения /341–11/. Многие зависело от того, сумеют ли поддержавшие Восточное Локарно государства нейтрализовать давление Гитлера на поляков и склонить их на свою сторону²⁶.

— 100 —

Большие надежды возлагались на Англию. "В последнее время, – отмечал в письме

²⁵ Интересные предположения о причинах таких надежд см. /378–133; 189–87-88/, а также /281–235/.

²⁶ См. также /360–168; 73–444/.

полпреду в Польше Н.Н.Крестинский 4 июля, – в результате далеко идущего сближения Польши с Германией, отчуждения от Франции и борьбы с советскими предложениями в Женеве в польской политике усилилась тенденция к сближению с Англией... Не исключено, поэтому, что позиция Англии, может привести к смягчению позиции Польши в отношении франко-советских предложений" /5,17–445/. К сходным выводам одновременно пришли и на Кэ д'Орсэ²⁷. Еще 21 июня, обращаясь к правительству Великобритании с просьбой "использовать свое влияние" в пользу Восточного Локарно в Берлине, Варшаве и Риме, А.Леже особо выделил польскую столицу. "Ключ к ситуации, – доказывал он, – находится в руках Варшавы, но, вероятно, только правительство его величества сможет повернуть его", распахнуть дверь переговоров /11,6–769-770/.

Действительно, как Пилсудский, так и Бек были весьма заинтересованы в улучшении политических взаимоотношений с Англией и не могли не посчитаться с ее мнением о Восточном пакте /382–016; 341–355/. Однако у Великобритании отсутствовали достаточные рычаги нажима на Польшу. До весны 1935 г., вспоминал Ю.Бек, непосредственные, контакты между двумя государствами сводились к малоприятным для поляков обсуждениям в Женеве проблем Данцига и национальных меньшинств, в МИД Польши сложился "несомненный комплекс враждебности" в отношении Англии /64 –82,84/.

– – 101 – –

У Лондона не было в запасе ни угроз, ни уступок, которые могли бы повлиять на позицию Варшавы (40). Британская дипломатия, вынуждена была ограничиться демаршем посла Эрскина в МИД РП 13 июля и приглашением польского посланника в Форин Офис 19 (или 20) июля /378–135/. Заметного влияния на польское руководство ее аргументы и настойчивость не оказали (41). Английские дипломаты надеялись, что, будучи малой державой, Польша не сможет долго упорствовать в проведении "политики (42) равновесия и полагали, что повлиять на нее может лишь изменение подхода к ней со стороны Франции и России (43). Невозможно поэтому согласиться с мнением крупного эмигрантского историка Т.Пишчковского, согласно которому Великобритания равнодушно отнеслась как к оппозиции Польши Восточному пакту, так и к нему самому /341–385/.

Если Франция и Советский Союз, столкнувшись с сопротивлением плану Восточного Локарно, могли удовлетвориться двусторонним пактом взаимопомощи для укрепления своей безопасности, то Великобритании был необходим именно, тот комплекс соглашений, который был намечен на лондонских переговорах²⁸. Непременность участия Германии, Польша обусловливалась всем существом британской внешней политики. Если они останутся вне советско-французских переговоров, отмечал в дневнике 1 августа – в двадцатую годовщину начала войны – А. Иден, в Европе появятся два военных блока /170–51-52/. На исходе июля, уже почувствовав безрезультатность предпринятых усилий, руководители Форин Офис не только соглашались следовать прежним курсом, но и были озабочены недостаточной активностью инициаторов Восточного Локарно /170–51; 11,6–876, 888/. 1 августа Д. Саймой поручил посла в Париже и СССР сообщить

– – 102 – –

правительствам этих стран о надежде Лондона, что они не допустят промедление в открытии переговоров со всеми предполагаемыми участниками пакта /11,6 –888; 5,17 –557/. Отправленные в тот же день в Берлин и Варшаву указания подкрепляют предположение, что Форин Оффис все еще рассчитывал на конструктивный ответ Германии и Польши, прежде чем начнется период отпусков /11,6 –888-889/. Эта надежда не оправдалась. Леже и Литвинов в ответ на британское обращение отметили необходимость дипломатической паузы /11,6 –893, 896/.

Возможность договоренности о региональном Восточном пакте и участии немцев в франко-советском гарантийном пакте была в июле 1934 г. упущена, и, как вскоре стало ясно, навсегда. По мнению автора, причины этого состояли не только в позиции Германии и Поль-

²⁷ См. также мнение английского представителя в Варшаве и польского – в Лондоне /10,6–877, 951-952/.

²⁸ См. также /79 –1934, 8 –40-44/.

ши и вовсе не в нежелании Великобритании содействовать реализации Восточного Локарно – на эту чашу весов она бросила в решающий момент все свое влияние.

Перед заинтересованными в реализации Восточного Локарно государствами открывалось два пути вовлечения в соглашение Германии и Польши. Первый состоял в том, чтобы уступками в области вооружений, более гибкими формулировками обязательств стран-участников и угрозой полной изоляции принудить Берлин согласиться на участие в пакте как на меньшее зло. В этом отношении возможности Англии были велики, и (вначале настаивая на поправках к франко-советской схеме, затем в контактах с германскими представителями) она использовала их. Однако к главному аргументу – обещанию легализации перевооружения рейха – Великобритания не прибегла; хотя его поддерживала Италия и американская дипломатия, Франция с согласия СССР блокировала предложение немцам этой уступки (44). Попытки Идена подтолкнуть Германию к переговорам о Восточном Локарно постановкой вопроса о вооружениях лишь компрометировали позицию Великобритании.

– – 103 – –

Другой путь преодоления оппозиции пактам безопасности состоял в воздействии на Польшу как наиболее слабое ее звено. Этот вариант был избран Францией при согласии СССР. Польша ждала от Парижа и Москвы заверений относительно своего статуса и гарантий независимости, не желала обменивать преимущества балансирования между Германией и ее противниками ради сомнительных выгод Восточного пакта. Не позволяя англичанам (они, впрочем, и не настаивали) прибегнуть к главному козырю в переговорах с Германией, французская дипломатия весной и летом 1934 г. проявила недостаточную способность оценить беспокойство Польши и устранить его²⁹. Не содействовала этому и советская позиция. Англия же в силу объективных по большей части условий могла играть лишь вспомогательную роль в переговорах с поляками, что подтвердила их реакцию на британское обращение.

Согласившись 8-11 июля с подходом Л.Барту, английская дипломатия недооценила силу сопротивления Германии и степень ее близости с Польшей. По мере выявления этих обстоятельств, сглаженные лондонскими переговорами различия подходов Франции и Великобритании к обеспечению региональной безопасности не могли не выйти наружу и усилиться, координация их политики – нарушиться.

В концепции Восточного Локарно британское руководство летом 1934 г. увидело почти чудесное средство исцеления своей внешней политики. Дополнение системы безопасности на Западе региональным пактом на Востоке к связующим их гарантийным соглашением позволило

– – 104 – –

сбалансировать наиболее важные интересы всех стран континента, включая жизненные интересы Германии. О защите последних Великобритания позаботилась, внося поправки во франко-советскую схему пактов. Одновременно Восточное Локарно решало задачу предотвращения чрезмерного усиления Германии, окончательного разрушения равновесия сил, на котором основывался европейский порядок.

Не порывая со стратегическим курсом, который совмещал линии баланса интересов к балансу сил, Великобритания поддержкой Восточного Локарно придавала своей политике новое качество. Солидаризировавшись с нацеленными против германских устремлений мерами, она фактически примкнула к группировке, которая, несомненно, была сильнее, чем Германия. Увидевший в этом еще полвека назад отход от традиции баланса сил А.Вольферс был, безусловно, прав /378–275-276/. Англия дала согласие отложить переговоры об ограничении вооружений до осуществления пактов безопасности и тем самым недвусмысленно заявила о необходимости руководствоваться озабоченностью Франции и других европейских государств, не уравнивая их интересы с традиционными требованиями германского руководства о равноправии в вооружениях. Наконец, подверглось частичному пересмотру узко-прагматичное толкование коллективной безопасности. Приветствуя вступление СССР в Лигу наций и установление взаимосвязи между обеспечением безопасности на Востоке и на Западе, британское

²⁹ См. об этом: /64–54; 189–87-88; 360–135-136,143,163; 344–93-94/.

правительство способствовало материализации этой идеи.

Политика Англии в отношении Восточного Локарно явилась крупным и вызывающим уважение экспериментом. Лондон признал первоочередность задачи защитить страны континента от нарастания агрессивных стремлений одной из великих держав.

— 105 —

Июльский курс был, однако, именно экспериментом – не слишком органичным продолжением предшествующей политики³⁰. Его развитие потребовало бы значительной перестройки всей политики правящих кругов, включая оборонную, финансовую, социальную, формирования новых взаимоотношений консервативной верхушки с лейбористами и общественными движениями. В парламентских дебатах 13 июля действительно наметился общенациональный консенсус³¹, реализовавшийся в полной мере лишь с началом второй мировой войны. Некоторые высказывания С. Болдуина летом 1934 г. также содержали намек на возможность принятия правительством курса на обеспечение коллективной безопасности, расширения британских обязательств и соответствующих перемен во внутренней политике /1,292–2332/. Для осуществления подлинного поворота в политике Великобритании были необходимы как успех начатого эксперимента с Восточным Локарно, так и сохранение воздействия на Лондон общих и частных обстоятельств, обусловивших июльские решения. Ни того, ни другого не произошло.

---

³⁰ Сходная мысль высказывалась в печати: /88–1934,3–358/.

³¹ В этой связи представляет интерес встреча руководства Национального объединенного совета лейбористской партии и БКТ с Макдональдом и Саймоном в мае 1934 г. См.: /80 – 1934,20/21 –75/.